

рассказы и песни

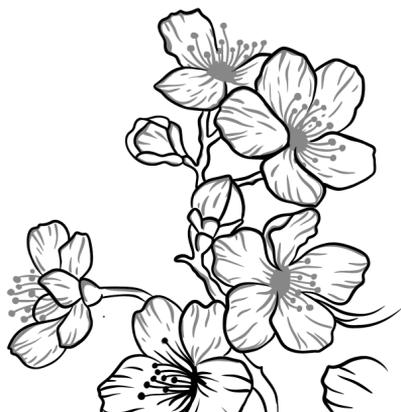
А. П. ЧЕХОВ

СВАДЬБЫ
ЖАЛОСТИ
СТРАДАНИЯ

МОСКВА

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)1я44
Ч-56

Вступительная статья *Армена Захаряна*

Редактор *Людмила Сарычева*

Художественное оформление *Анастасии Зининой*

Чехов, Антон Павлович.

Ч-56 Свадьбы, жалости, страдания : [рассказы, пьесы] / Антон Чехов. — Москва : Эксмо, 2025. — 528 с.: ил. — (Подарочное издание. Знаменитая классика с иллюстрациями).

ISBN 978-5-04-214937-5

«На стене карта Африки, видимо, никому здесь не нужная», — ремарка в начале пьесы «Дядя Ваня». Надо объяснить в аннотации, зачем и для кого мы выпускаем коллекционный сборник Антона Павловича Чехова да еще и называем его «Свадьбы, жалости, страдания». Армен Захарян, донкихот литературы в интернет-пространстве, написал для этого сборника статью — «Как Антон Чехов изменил литературу». Армен доказал, что, выведя на страницы жизнь обычных людей, А. П. Чехов, скромный врач, перевернул литературу всего XX века и легко заскакивает в XXI век. А. П. Чехов, как лучший поставщик качественного контента, разбирает все жизненные ситуации: от рождения, свадеб, семейной жизни до болезней и похорон. От славы и таланта — до бездарности и серости. Все в мажорном ключе и без пошлостей. Пошлость А. П. Чехов бичует похуже адюльтера.

«Свадьбы, жалости, страдания» — потому что одна девушка сбегает из-под венца в профессию учителя и в город. Другая, замужняя и беременная, за один вечер возненавидела любимого мужа и теряет ребенка. Третья, с собачкой, впервые любит по-настоящему, а четвертая — любит только сцену и себя на ней.

Противоречивым способом врачевная точность А. П. Чехова, определяющая диагноз любой семье или человеку, поднимает настроение, как хорошее ток-шоу. Поэтому эта книга для тех, кто любит и ценит русскую литературу и ее величайших служителей.

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)1я44

ISBN 978-5-04-214937-5

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

КАК АНТОН ЧЕХОВ ИЗМЕНИЛ ЛИТЕРАТУРУ

Английский писатель Сомерсет Моэм однажды заметил, что идеальный рассказ — это история, которую можно пересказать попутчикам в курительной комнате на пароходе. Таким жанр малой прозы преимущественно и был. До Чехова.

Антон Павлович — скромный филологический доктор из Таганрога — входит в литературу в конце XIX века дерзким новатором-скульптором. Его рассказы поражают современников не столько тем, что он привносит в творчество, сколько тем, что он из него удаляет.

Здесь на ум приходит знаменитая формула из чеховского письма: «Написав рассказ, следует вычеркивать его начало и конец: тут мы, беллетристы, больше всего врем».

Чехов следовал этому принципу неукоснительно. По определению Набокова, он входил в рассказ «без стука». Так, в частности, Набоков говорил об открывающей строчке «Дамы с собачкой»: «Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой».

И подобное Чехов проделывал постоянно: вот первая строчка «Унтера Пришибеева» — прямая речь мирового судьи:

— Унтер-офицер Пришибеев! Вы обвиняетесь в том, что третьего сего сентября оскорбили словами и действием урядника Жигина, волостного старшину Аляпова, сотского Ефимова, понятых Иванова и Гаврилова и еще шестерых крестьян, причем первым трем было нанесено вами оскорбление при исполнении ими служебных обязанностей. Признаете вы себя виновным?

Этим каталогоподобным перечислением третьестепенных недействующих лиц Чехов сразу погружает читателя в гущу процесса.

Вступительная статья

Так же, как в рассказе «Именины»:

«После именинного обеда, с его восемью блюдами и бесконечными разговорами, жена именинника Ольга Михайловна пошла в сад».

Обратите внимание, какая огромная дистанция преодолевается одной этой строчкой: рассказ только начался, а у читателя за плечами уже оказался обед с восемью блюдами, бесконечными разговорами и неким именинником, которого автор даже не называет по имени.

Однако Чехову мало войти без стука, нужно еще уйти, оставив за собой ворох оборванных нитей.

Вот, например, рассказ «Тапёр»: крохотная зарисовка из жизни Петра Рублева, бывшего ученика М-ской консерватории, который «ехал в Москву за две тысячи вёрст, метил в композиторы и пианисты, а попал в тапёры».

Пётр зарабатывает тем, что играет на танцах. Весь рассказ, в сущности, оказывается просто пересказом его истории о скандале, который только что приключился с ним на свадьбе. Содержание истинно чеховское: разговорился наш Пётр с одной барышней, а барышня такая увлеченная оказалась: музыкой интересуется, горячится, спорит — что твоя Анна Виленская начала XX века! Но на этом сходство с нашей дорогой современницей и закончилось, поскольку тут подошли к чеховской барышне добрые люди и шепнули, что она разговаривает с тапёром — играющим официантом — а это стыдно!

Барышня и отскочила от тапёра. А Петру так от этого сделалось гнусно и тошно, что и не передашь. «И точно сидит у меня под ложечкой мышь, — описывает своё состояние Пётр, — и казенные сухари грызет».

С Петром сделалась истерика, да такая, что его выволокли в переднюю — и в шею. Вот и весь рассказ. Пётр оканчивает его и начинает безудержно хохотать.

А затем следуют два последних предложения — та самая фирменная чеховская «открытая концовка», где в кульминационной Чехов точке не собирает концы воедино, а прячет их в воду:

Как Антон Чехов изменил литературу

«Петя хохочет, и в его хохоте я легко узнаю истерику. Начинаю возиться с ним и бранюсь, что в московских номерах не имеют привычки ставить на ночь воду».

В том месте, где должна быть развязка, где читатель должен получить ясный ответ на вопрос о будущем героя; где персонаж Лермонтова уехал бы служить на Кавказ, а герой Гоголя стал бы разбойником и набрасывался бы на барышень в подворотнях с криком «Берегись тапёра»; где герой Достоевского повесился бы, а герой Толстого бросил бы свою грязную городскую жизнь и нелепую мечту «выбиться в люди» и уехал бы работать в деревню... — в этом месте рассказчик Чехова бранится, что в московских номерах не имеют привычки ставить на ночь воду.

А выводы о будущем героя — это уже домашняя работа для читателя.

Вот еще аналогичные примеры. Так оканчивается «Невеста»:

— Она пошла к себе наверх укладываться, а на другой день утром простилась со своими и, живая, веселая, покинула город, — как полагала, навсегда.

А так — рассказ «В овраге»:

«Липа и Прасковья пошли дальше и долго потом крестились».

А вот — концовка рассказа «Переполах»:

«Через полчаса она была уже в дороге».

Так и хочется спросить, что же с вами не так? Почему вы не хотите вести себя как подобает нормальным персонажам и замирать на последней странице с выражением грусти, радости или отчаяния, почему вы в самом конце, когда надо остановиться, все время куда-то идёте?

Мозэм, который и восхищался Чеховым, и полемизировал с ним, однажды заметил: «Самое решительное требование Чехова к авторам рассказов состоит в том, чтобы отбрасывать начала и концы. Он и сам так поступал, и близкие даже говорили, что у него надо отнять рукопись, прежде чем он ее обкромсает, иначе только и останется, что герои были молоды, полюбили друг друга, женились и были несчастливы». Когда Чехову это передали, он ответил: «Но ведь так оно и бывает в действительности».

СКУПОСТЬ ВНЕШНЕГО ДЕЙСТВИЯ

Одна из характерных новаторских особенностей творчества Чехова — это скудость внешнего действия и отказ от значимых изменений в жизни героев. От точки входа до многоточия выхода с ними может ничего не произойти. Или шевельнется только что-то в душе, мимолетное и невидимое, или — еще более по-чеховски — то, что могло бы произойти и, кажется, должно было произойти... не произойдет.

Взять, например, рассказ «Мальчики», где два юных друга планируют побег в Америку. Мальчики готовятся пройти пешком несколько тысяч верст и сражаться с тиграми и дикарями, добывать слоновую кость и пить джин... Вот только главным событием рассказа становится то, что эти самые мальчики никуда не убегают. Такие рассказы в курительной комнате на пароходе пересказывать решительно невозможно.

Или, например, рассказ «Мечты»: двое сотских конвоируют в уездный город бродягу, между ними завязывается разговор и... Здесь предполагается развитие действия, но нет: на внешнем, событийном уровне это всё — короткий разговор обрывается, рассказ заканчивается, а они идут дальше, как шли. Но в том-то и заключается мастерство чеховского таланта, что теперь они идут не совсем так, как шли. Их внезапный случайный разговор о Сибири, куда надеется дойти бродяга, о Сибири, где приволья больше и люди богаче, где реки широкие и быстрые, и рыбы в них видимо-невидимо, и деревья такие, что взглянешь вверх и голова кружится...

Так вот этот случайный, мимолетный разговор о прекрасной Сибири будущего, куда бродяга так стремится, о свободе и просторах, о возможном счастье, — этот неуместный в сером тумане настоящего, на черно-бурой грязи дороги разговор — пробуждает в каждом из попутчиков мысли о своих мечтах — несбывшихся и несбыточных. И сотские, то ли из зависти к смелым мечтам человека столь жалкого, то ли просто от злости на дурную погоду и грязь под ногами — говорят: «Да куда тебе до Сибири дойти, не дойдешь, верст триста пройдешь и Богу душу отдашь».

Как Антон Чехов изменил литературу

«Не помнящий родства с ужасом глядит на строгие, бесстрастные лица своих зловещих спутников и, не снимая фуражки, выпучив глаза, быстро крестится... он весь дрожит, трясет головой, и всего его начинает корчить, как гусеницу, на которую наступили...»

Замятин, говорил, что для душевных движений, самых неуловимых и тонких чувств Чехов всегда находит реалистический образ. «Гусеница, на которую наступили» — как раз такой пример.

Но эта гусеница, уже раздавленная, продолжает ползти по дороге: то ли к свободе, то ли к смерти. И снова фирменная Чеховская концовка без разрешения:

«Через минуту путники уже шагают по грязной дороге. Бродяга еще больше согнулся и глубже засунул руки в рукава. Птаха молчит».

Казалось бы до чего простая ситуация: человек рассказывает другим о своей мечте, но они в нее не верят. Кто бы построил на одной этой формуле, не привлекая внешних событий, щемящий и трогательный рассказ до Чехова? А ему регулярно подобное удавалось, ибо он был мастером тонких душевных состояний.

ЗВОНКИ НА ИТАЛЬЯНСКИХ СТАНЦИЯХ

Природа, как учил нас Аристотель, не терпит пустоты. А раз у Чехова в рассказах нет увлекательного развития действия, драматических потрясений, развернутых наступлений и отступлений, то в его текстах должна оставаться какая-то иная несущая конструкция, которая бы приняла на себя груз читательского внимания.

Такой конструкцией — мостом, по которому читатель переходит с одного берега чеховского рассказа на другой, становится сама ткань текста — ровная, плотная и выверенная. Эта ткань, по определению Владимира Набокова, складывается из разнообразия интонаций и мерцания прелестной иронии, из подлинно художественной скупости характеристик и замирания человеческой жизни.

А опоры этого златотканного чеховского моста — это детали.

О Чехове как о властелине детали не говорил только тот, кто о Чехове не говорил совсем. Мережковский, встретив однажды Чехова в Италии, с удивлением отмечал, чем Чехов там интересовался:

Вступительная статья

— Он занимался мелочами неожиданными и, как мне тогда казалось, совершенно нелюбопытными. Гид с особенной лысой головой, голос продавщицы фиалок на площади Св. Марка, непрерывные звонки на итальянских станциях.

Эта природная зоркость Чехова — умение каждой детали найти свое точное место — придает его текстам особую красоту. Здесь и гвозди на больничном заборе в «Палате номер шесть», торчащие остриями вверх. И дождь в день похорон Беликова — человека в футляре, ходившего всегда в калошах и с зонтиком. Дождь, который вынуждает провожающих особо почтить его память и тоже прийти в калошах и с зонтиком. И, конечно, лошади Ионыча — земского врача, доктора Старцева, который поначалу ходит пешком, потом у него появляется пара лошадей, а в конце он — постаревший, пухлый, красный — едет на тройке, «и кажется, что едет не человек, а языческий бог».

Особого внимания заслуживает то, как Чехов использовал детали в речи своих героев. Вот два примера, где Чехов играет на едва заметных полутонах.

У почтмейстера Михаила Аверьянычы, частого собеседника врача Рагина из «Палаты номер шесть», есть привычка совершенно с доктором соглашаться. Он раз от разу говорит ему: «Совершенно верно». И так повторяется четырежды.

Но когда доктор Рагин начинает сходить с ума и его состояние вызывает беспокойность окружающих, Чехов пишет: «Почтмейстер Михаил Аверьяныч, слушая его, уже не говорил: «Совершенно верно», а в непонятном смущении бормотал: «Да, да, да...»».

Казалось бы, сама по себе разница между «Совершенно верно» и «Да, да, да» незначительна; но в одной этой перемене заключен целый спектр эмоций, одну из которых сам Чехов и обозначает — смущение. А еще сомнение, грусть, страх за друга, и ворох мыслей о том, чем он может помочь. Вот она разница между «Совершенно верно» и «Да, да, да».

И другой пример, из «Толстого и тонкого» — одного из моих любимых с детства рассказов, из тех, что дедушка читал мне вслух на даче.

Как Антон Чехов изменил литературу

На вокзале Николаевской железной дороги после многолетней разлуки встречаются двое приятелей: один толстый, другой тонкий. Оба они приятно этой встрече. И вот они начинают рассказывать друг другу про свою жизнь.

Тонкий — коллежский асессор, звезд с неба не хватает, а приватно портсигары из дерева делает и продает по рублю за штуку. Представляя Толстому свою семью, он говорит: «Это вот моя жена, Луиза, урожденная Ванценбах... лютеранка... А это сын мой, Нафанаил, ученик третьего класса».

И буквально через пару строк еще раз: «А это моя жена, урожденная Ванценбах... лютеранка».

Когда же выясняется, что Толстый дослужился уже до тайного советника, Тонкий полностью меняет свой тон:

— Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

Толстый от этого морщится, просит прекратить «чинопочитание между друзьями детства», но Тонкий уже не может по-другому, и тут следует филигранная чеховская деталь:

«Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, *некоторым образом...*»

Чехову мало просто написать, что Тонкий сперва побледнел, а потом все его лицо искривилось широчайшей улыбкой; мало сказать, что он «съежился, сгорбился, сконфузился» (редкая чеховская аллитерация). Для большой литературы всего этого, может быть, и достаточно, но для Чехова мало: ему надо вбить в опору этого моста гвоздь завершающей гениальной детали. И в последней реплике Тонкого «жена Луиза, лютеранка» превращается в «жену Луизу, лютеранку, *некоторым образом*».

Тонкий, задрожавший перед авторитетом «старшего по званию», теряет контроль над своей речью: он не может больше сказать «жена Луиза, лютеранка», потому что перед лицом целого тайного советника это кажется ему глупым, мелким и жалким, так что нужно, как делает его сын Нафанаил, — шаркнуть ножкой. Но у взрослых другой этикет, и Тонкий, как бы извиняясь, шаркает языком: «жена Луиза лютеранка, *некоторым образом*».

**«СТАЛ ОТЧИТЫВАТЬ МЕНЯ ЗА ТО,
ЧТО У МЕНЯ НЕТ ИДЕЙ»**

Наконец, еще одной характерной чертой Чехова-прозаика становится отказ от трёх «П»: поучений, пояснений и правильных ответов. В одном из своих писем Чехов сформулировал это так:

«Вы пишете, что ни разговор о пессимизме, ни повесть Кисочки нимало не подвигают и не решают вопроса о пессимизме. Мне кажется, что не беллетристы должны решать такие вопросы, как бог, пессимизм и тому подобное. Дело беллетриста изобразить только, кто, как и при каких обстоятельствах говорили или думали о боге или пессимизме. Художник должен быть не судьёю своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем».

Чехов всегда старался следовать этому принципу — принципу, который можно назвать антитолстовским. Сравните, например, один из открывающих пассажей знаменитой чеховской «Невесты» с абзацем из «Анны Карениной». Оба эти фрагмента посвящены женским чувствам, но как по-разному раскрывают их писатели.

У ЧЕХОВА:

«...с шестнадцати лет она страстно мечтала о замужестве, и теперь, наконец, она была невестой Андрея Андреича, того самого, который стоял за окном; он ей нравился, свадьба была уже назначена на седьмое июля, а между тем радости не было, ночи спала она плохо, веселье пропало... Из подвального этажа, где была кухня, в открытое окно слышно было, как там спешили, как стучали ножами, как хлопали дверью на блоке; пахло жареной индейкой и маринированными вишнями. И почему-то казалось, что так теперь будет всю жизнь, без перемены, без конца!»

У ТОЛСТОГО:

«Кити поняла, что сказанное ею в сердцах слово о неверности мужа и об унижении, до глубины сердца поразило бедную сестру, но что она прощала ей. Долли, с своей стороны, поняла все, что она хотела знать; она убедилась, что догадки ее были верны, что горе, неизлечимое горе Кити состояло именно в том, что Левин делал предложение и что она отказала ему, а Вронский обманул ее, и что она готова была любить Левина и ненавидеть Вронского. Кити ни слова не сказала об этом».

Как Антон Чехов изменил литературу

Чеховский текст оставляет за собой шлейф неопределенности: почему, если он ей нравился и она так страстно мечтала о замужестве, радости не было? Отчего возникло это смутное ощущение, что так теперь будет всю жизнь?

И обратите внимание, как эта неопределенность контрастирует с точностью деталей: свадьба не просто назначена, но назначена на седьмое июля; с кухни не просто доносится запах приготавливаемой закуски, но запах жареной индейки и маринованных вишен; и этот специфический, уточненный запах смешивается со странным чувством, что так теперь будет всегда.

Толстой же обращается со своими героями иначе: и если Кити в его тексте ни слова не сказала о своих чувствах и мыслях, то только потому, что за нее это исчерпывающе сделал Лев Николаевич.

Вирджиния Вулф, которую восхищала великая писательская зоркость Толстого, о Чехове говорила иначе. О своем первом знакомстве с Чеховым Вулф писала так:

«Это было очень странное чувство, будто землю, на которую ты надеялся благополучно приземлиться, вдруг выбили у тебя из-под ног, и ты остался со своими вопросами висеть в воздухе».

Это подвешенное положение не все могли оценить, тем более на стыке веков. Вот, например, чеховская «Анюта» — случайно вырванная из жизни зарисовка, в которой с какими-то случайными людьми происходит набор каких-то случайных событий. Ее и пересказать-то толком не получается. И вместе с тем это рассказ щемящий, трогательный и грустный.

Джойс, Сэлинджер, Хемингуэй, Шервуд Андерсон — каждый из них в жанре рассказа будет писать впоследствии похожим образом. Но в том-то и дело, что Чехов пишет свою «Анюту» в тысяча восемьсот восемьдесят шестом году. Родители Сэлинджера еще не познакомились, Джойсу три года, а Хемингуэй еще не родился. И только Шервуд Андерсон уже вполне взрослый человек: ему десять лет.

Вот почему в двадцатые годы двадцатого века на Западе многие говорили, что Чехов опередил время. Но опережающий время слишком часто помимо восхищения потомков получает осуждение современников. Читатель Чехова, периодически зависавший

Вступительная статья

от его рассказов в воздухе, должен был как-то объяснять себе эти странные атмосферные явления. И часто объяснение было не в пользу Чехова.

Лев Николаевич хотя и высоко ценил Чехова, но однажды в сердцах тоже не удержался: «У Чехова часто нет идеи, нет цельности, не знаешь, зачем писано».

В другой раз утром к Чехову в Большую московскую гостиницу пришел писатель средней руки Федор Федорович Тищенко. Он разбудил Антона Павловича и, как записал после в дневнике сам Чехов: «Стал отчитывать меня за то, что у меня нет идей».

Отсутствие твердой почвы под ногами принималось за безыдейность. Другими словами, в чеховском новаторстве, в отказе «быть судьей своих персонажей» часто видели безразличие. Но безразличным писателем Чехов не был. Его отстраненность — это часть художественного метода, подробное описание которого Чехов оставил в письме Авиловой от 29 апреля 1892:

«Как-то писал я Вам, что надо быть равнодушным, когда пишешь жалостные рассказы. И Вы меня не поняли. Над рассказами можно и плакать, и стенать, можно страдать заодно со своими героями, но, полагаю, нужно это делать так, чтобы читатель не заметил. Чем объективнее, тем сильнее выходит впечатление. Вот что я хотел сказать».

«Чем объективнее, тем сильнее выходит впечатление» — истинно чеховская формула.

Но за этой чеховской объективностью так часто усматривали мнимые безразличие и холодность, безыдейность и равнодушие, что не замечали самого важного в его рассказах. Не замечали, что наиболее жалкий, опустившийся и растоптанный жизнью герой у Чехова оказывается способен на раскаяние, на благородное и неожиданное чувство.

Таков отец Анастасий — герой рассказа «Письмо». Дряхлый не по летам, запрещенный к служению, под следствием за торговлю свидетельствами о говении и венчание недозволенных браков, в неуклюжих сапогах без калош, с девятью детьми — такими же неудачниками, как он. Этот жалкий, опустившийся отец Анастасий еще и пьет — и всё время просит угостить его рюмочкой

Как Антон Чехов изменил литературу

водки. Героя более ничтожного и несимпатичного даже в богатой чеховской галерее придется поискать.

И вот этот отец Анастасий засиделся как-то в гостях у отца Фёдора Орлова, полной своей противоположности: благочинного, благообразного, важного и строгого. К благочинному отцу пришел диакон и рассказал о своем сыне, ведущем жизнь неправедную: сын, дескать, сожительствует с некоей дамой вне брака, да индейку в Великий пост ест. И вот диакон садится писать письмо сыну под диктовку благочинного отца Фёдора, который помогает одного сына пристыдить:

«Именем ты христианин, но по сущности своей язычник, столь же жалкий и несчастный, как и все прочие язычники, даже еще жалчее, ибо те язычники погибали от неведения, ты же погибаешь, обладая сокровищем».

И всё письмо было в таком духе: суровое, но справедливое — чистая правда, без примеси милосердия.

А заканчивается этот странный рассказ так: жалкий отец Анастасий уходит от благочинного отца Орлова вместе с диаконом и вдруг говорит ему, когда они остаются вдвоем, мол, послушай, письмо, конечно, славное вышло, а вот только... не посылать бы его.

— Как же это, не посылать такого хорошего письма? — удивляется диакон.

«А просто, — говорит Анастасий, — не посылать. Ты прости его лучше, диакон. Учить оно конечно, хорошо, вот только зачем его язычником обзывать? Это, ведь, диакон, обидно. Не посылай, а лучше прости. Ежели его отец родной не простит, то кто ж простит? Ты лучше просто возьми и напиши: прощаю тебя, Петр! Он все поймет! Почувствует! Не праведников надо прощать, а грешников. Ты такого прости, — говорит этот жалкий, опустившийся, смешной отец Анастасий — на которого глядеть жалко».

Да, Чехов совершил революцию в мире рассказа. «Маленькие люди в незначительных обстоятельствах» — это формула, в которой он предвосхитил двадцатый век. Но вот что еще более ценно — эти маленькие люди Антона Чехова оказываются иногда способны на очень большие чувства.

